

ЮРИЙ ТАТАРЕНКО

“ЖИЗНЬ ПОМОГАЕТ НАЙТИ МЕРУ!”

Интервью с Михаилом Тарковским

– **Какие новости, дорогой Михаил Александрович? Что в работе?**

– Открыт таёжный музей в Бахте, оборудована площадка под открытым небом. Она сделана охотником-промысловиком Геннадием Викторовичем Соловьёвым – моим старинным другом и наставником, тем самым человеком, с которым обсуждал многие рассказы, который подсказывал сюжеты и способы решения различных художественных задач в рассказе и повести, с которым делился планами съёмки документального фильма о нашей тайге (“Счастливые люди”). Он принимал активное участие в обсуждении, придумывании содержания и, что было самым радостным, без колебаний согласился быть главным действующим лицом фильма. И не ради славы, нет. Просто знал, что лучше него никто не расскажет о профессии промысловика. И сейчас он так же, как и 15 лет назад, откликнулся на мою просьбу и изготовил десяток бесценных экспонатов для нашего музея. Лабаз, кулёмку, пасть и даже нодью на оцепе (род таёжного костра для зимней ночёвки). И ещё: Соловьёв пишет великолепные таёжные рассказы. Они уже выходили во многих известных изданиях: “Сибирских огнях”, “Юности”, “Бийском вестнике”, альманахе “Енисей”.

Об изданиях: скоро в Красноярске пройдёт конкурс “Книжное Красноярье”, на который издательством “Поликор” подана уникальнейшая книга. Она называется “Живая верста”, это хрестоматия енисейской тайги. Там рассказы, отрывки из повестей, повести и новая автобиографическая повесть о моём постижении енисейской тайги с одноимённым названием (“Живая верста”). Действие происходит по всему Енисейскому меридиану от Тувы (почти от монгольской границы) до Таймыра включительно. Самое дорогое для меня – это то, что иллюстрации выполнены блистательным русским художником-анималистом Вадимом Алексеевичем Горбатовым, с которым меня познакомил книголюб и охотник из Санкт-Петербурга Дмитрий Юренков. Дмитрий, несмотря на всю затратность, организовал нашу первую совместную с Вадимом Алексеевичем работу – это книга “Не в своей шкуре”, вышедшая у Аркадия Елфимова в Тобольске. Для “Живой версты” Вадим Алексеевич сделал замечательные иллюстрации, большая часть из которых – портреты сибирских зверей и птиц. Книга очень красивая, большая, в полном смысле подарочного разряда. Если всё получится – тысячу экземпляров получат библиотеки Красноярского края.

Продолжаю о книгах: уже второй год пишу “42-й до востребования”, своего рода “Последний поклон”. О детстве, о бабушке. Одну мою бабушку звали

Мария Макаровна Попова, другую – Мария Ивановна Вишнякова. Две Мари. Так вот эта о бабушке по матушкиной линии – Вишняковой. Тему эту я затрагивал в повести “Отдай моё” и в фильме “Замороженное время”. В июньском номере “Нашего современника” вышли рассказы из будущей книги.

– **Писательское счастье – это ежедневное вдохновение или любовь миллионов?**

– Вы знаете, когда пишешь прозу, о вдохновенье речи нет. Это работа, и довольно муторная. А любовь миллионов – это скорее к популярным жанрам. Писательское же счастье: 1) очищение, которое испытываешь, взяв вершинку в работе; 2) благодарность вдумчивого и сердечного читателя.

– **Как мне кажется, писатель всегда перфекционист. Сильно ли это изнуряет?**

– Слово, которое никогда не понимал... Что это такое? Попытка придать сомнительный оттенок привычке не краснеть за свою работу? Или неумение остановиться в доведении до совершенства? Или занудство? Или “разбаланс” мастерства и здравого смысла? Мне кажется, что жизнь сама помогает найти меру. А вообще, не знаю: мастерство, по-моему, не изнуряет мастера. Наоборот – питает.

– **Как складываются ваши отношения с критиками?**

– У меня нет особых отношений с критиками. Есть отношения с единомышленниками, которые могут быть критиками и писателями, – скорее так. Конечно, время от времени выходят статьи о моих книгах этих людей, к которым я отношусь огромной с благодарностью. Не менее важны для меня читательские отзывы, которые порой ничуть не уступают очеркам критиков-профессионалов. Из критиков с огромным уважением отношусь к Юрию Павлову, Алексею Татаринovu – это краснодарская школа. К Алексею Шорохову, Капитолине Кокшенёвой, Вячеславу Лютому и, конечно, ещё и другим, не скажу многим. Очень благодарен Владимиру Яранцеву за его давнишний очерк о новосибирском трёхтомнике.

– **Приведите пример удачной экранизации. Я бы, прежде всего, назвал военные истории – “Звезда”, “В августе 44-го”. А вы?**

– Я бы назвал “Иваново детство”. Некоторые сцены из прежних экранизаций Достоевского очень хороши, “Обломова” смотрю с удовольствием опять же местами. Конечно, военные фильмы. Хотя в экранизации всегда некое несовершенство заложено, на которое режиссёр идёт. Или наоборот – побеждает режиссёр и в недовольстве остаётся писатель, как Лем “Солярисом”. Лучше всего самому писать и снимать. Как Василий Макарович, день рождения которого мы в очередной раз отметили в конце июля. Ещё вспомнил хорошую экранизацию – “Собачье сердце”.

– **Кому из режиссёров доверили бы экранировать вашу прозу?**

– Никому. Хотя, если бы живой был тот самый человек... Из села одно-го на Чуйском тракте...

– **На театре говорят: актёра нельзя научить – можно научиться! А писателя научить можно? Мастер-классов и семинаров для этого достаточно?**

– На эту тему многое сказано. Думаю, можно помочь развить дарование. И здесь главное – способность учиться. И опять же взять Геннадия Соловьёва, который первый рассказ написал с ошибками в тетрадке с диагоналями в тайге, причём с первого раза, и который, не учась в Литинституте, обладает таким даром слова и сказа, что его произведения без разговора берёт любой журнал.

– **Видите ли вы региональных авторов, способных продолжить ряд классиков – Шукшин, Вампилов, Астафьев, Распутин?**

– Конечно. Владимир Личутин (пусть он и в Москве живёт, она что – не регион?), Анатолий Байбородин давно в этом списке – со времён перечисленных вами классиков. А сейчас – Андрей Антипин.

– **Лауреаты первой премии “Лицей” получили по 1,2 млн рублей. Не многовато ли для делающих первые шаги в литературе?**

– Да кто его знает... Я особо не знаю ничего ни про эту премию, ни про лауреатов. Наверное, и многовато. Хотя если что-то великое о нашей земле и народе, то почему и нет? Не всё же “Большой книге” своих подопечных одаривать.

– **Прогресс в спорте – это переход количества в качество. А в литературе тот же принцип?**

– Скорее нет. Качество сразу должно быть. У больших писателей ранние вещи великолепны. Просто есть такое понятие, как совершенствование литературного мастерства, ну и, конечно, такое, как духовный рост. Вообще, для глубокого раскрытия темы пожить надо. И испытать многое... Да и качество – вещь относительная, внешнее качество – не всегда залог глубины. Часто бывает, что старательность как раз характерна для первых шагов в литературе. В общем – долгий разговор.

– **Как раскрутиться автору хорошей рукописи?**

– Вы знаете, я не по раскруткам. Это к Киркорову. Рукопись надо отправить в хороший журнал для начала. Потом в издательство. Если ты писатель традиционный, честный, русский духом, неподкупный, духовный, принципиальный, верный, умеющий отстоять своё право на любовь к Отчизне, – то никто тебе не даст дороги, если ты не имеешь какого-то дополнительного, как сейчас говорят, ресурса – в виде телевидения, допустим, или газеты. Поэтому пиши да пиши. А если водица родниковая, то к читателю дорожку проточит.

– **Как различаете хорошую прозу и не очень? А хорошую и великолепную?**

– По личному ощущению. Если читателей интересуют критерии, у меня нет какого-то особого оригинального подхода. Не буду по пунктам перечислять, скажу эмоционально: важно, когда прозу можно читать с любого места. Когда умер мой друг Олег Павлов, а случилось это на фоне бесконечного коронования всё новых и новых фигурантов либерального литпроцесса... Так вот, когда он ушёл, я был измождён попыткой прорваться через произведение очередного горе-борхеса, до пародии излизанного либеральной же критикой. И вот я взял книгу Павлова и открыл наугад. И всё встало на место. Естественная, родная, русская интонация. И не надо себя мучить. Почему читал нелюбезное сердцу? А иногда приходится изучать матчасть, чтобы на встрече со школьниками аргументированно объяснить, чем отличается настоящая литература от поддельной. Ну, и ещё критерий – когда слёзы текут при чтении.

Задача тех, кто захватил культурное пространство в России, – сбить все критерии и перепрофилировать читательский вкус на восприятие литературной “баланды”, имитационного чтива, в котором функция односторонности сочетается с претензией на нравоучение и явным или неявным выполнением конкретного заказа. А заказ этот, как говорит мой друг журналист Игорь Костиков из Красноярска: “свести всю русскую культуру до размера мелкого значка на рабочем столе компьютера”. Любой ценой навязать миф о конце русской классической литературы. Самое подлое в этом то, что подобное может делаться при полнейшем будто бы восхищении (“Ах, Толстой!”). Главный же пафос: “Да, она великая, но она в прошлом. Ей конец! Сейчас жизнь требует другой литературы!” Какая такая жизнь? Кто вообще тебе дал право решать за эту жизнь, чего она требует, чего не требует?! Ты тут кто? Ещё мерзейший приём – запустить мысль: “А так ли велик Достоевский?” И дальше методом фальсификации, подтасовки, выдириания цитат из контекста, подтягивания доказательств типа “своими ушами слышал, как такой-то об этом рассказывал”, доказать, что Достоевский – конченный извращенец, и поставить всех нас в идиотическое положение, когда надо доказывать, что правда – правда, а ложь – ложь. Отмываться. Но обвинение, каким бы оно ни было абсурдным и преступным, уже заложено! Уже всё прозвучало по радио! Уже школьник услышал!

А дальше школьник открывает “Яндекс”, и мгновенно вылезает какая-нибудь умница с глубокомысленной заметкой о “мудрых мыслях Аристотеля”. Далее дама, которая по развитию близко к Аристотелю не лежала, выводит: “Если бы мне разрешили провести реформу образования, я бы начала с литературы. Убрала бы из обязательной программы длинные романы про дворян и крестьян. Есть такие понятия как “актуальность темы” и “интерес”, без которых читать – только время терять. Пусть бы для начала дети просто полюбили чтение, а уже во взрослом возрасте не представляли бы себя без книги в руках”. Вот так вот! Кстати, ещё приёмчик – назвать кого-нибудь великого и прилепить к нему свои сопли.

Поэтому речь идёт не от том, как отличить бездарное произведение от гениального или какое количество переходов существует между этими понятиями. Задача стоит, как отличить настоящую литературу от имитационной. А имитационная всегда вторична. В ней нет главного: личной картины мира, эстетически пережитой и отражённой конкретным художником. По сути, в ней

нет главного: любви. Смысл литературы – то, как она меняет душу, как помогает ей, как потрясает и подвигает к духовному совершенству. Именно этой созидательной глубиной и потрясла наша литература весь мир. “Понятие добра так же точны, как математические формулы – здесь отсутствует какая-либо форма относительности – вроде: а я вот так вижу. Нет! Ты не являешься точкой отсчета – точкой отсчёта являются нравственные критерии, принадлежащие той цивилизации, в который живёшь. Именно они формируют из людей народ”, – привожу я слова своего старинного друга Николая Александрова из Новосибирска, писателя и подвижника.

Именно поэтому Достоевский и Толстой до сих пор – непревзойдённые. И задача не стоит кого-то превосходить и перепрыгивать – нам сохранить бы вектор. Поэтому кто-то может, а кто-то – нет: кишка тонка. Не дал Бог любви, а мозги и образование есть – вот ничего и не остаётся, как впадать в построения. Но самое позорное здесь именно окружение – критики, издатели. Худую услугу оказывают они таким имитаторам, и страшней всего, когда подобное “одобрение” исходит от людей, что называется, с корнями.

– **Детская литература – книги, которые не перечитывают. Согласны?**

– Нет. Ещё как перечитывают. Наоборот, детская литература – это наивысшая поэзия. Перечитывал тут Чуковского – поразительно. И так же очищает, как прикосновение к ребёнку.

– **Что относите к системе табу в литературе – и искусстве в целом?**

– Сквернословие, романтизация разврата, насмешка над православной верой и национальными святынями, пропаганда уныния и безысходности, отнимающая у читателя будущее, превращение литературы в забаву, ну, и так далее. Одним словом, измена заветам и канонам.

– **Идеальное стихохранилище – интернет или библиотека?**

– Сердце.

– **Современный человек станет абсолютно беспомощен в быту, как только отключат электричество. Вам не страшно думать о такой перспективе?**

– Современные люди разные. А так, конечно – представьте: зима, мороз, отопление на электричестве. Циркуляционные насосы, гоняющие тосол, – тоже на электричестве. Насос в скважине – тоже на электричестве. Если нет печки и генератора – катастрофа.

– **Сейчас популярна серия “ЖЗЛ”. Чья биография вам интересна для своего исследования?**

– Ермака.

– **Что любите и что не любите?**

– Вы это можете узнать из моих книг

– **Было такое: познакомились с автором лично – и захотелось прочесть все его тексты?**

– Наверное, было. Да и не раз. Познакомился я с прекрасным писателем из Ельца Александром Новосельцевым, о существовании которого не знал до посещения этого города. А после прочитал его книги. Так часто бывает и на литературных встречах в регионах.

– **Интересна ли вам новая территория – критика, драматургия? Не хотите попробовать себя в таком жанре, как пьеса в стихах?**

– Да территории-то многие интересны. Времени на них нет. Свою бы территорию обработать. В юности пытался как-то писать пьесу. Правда, не в стихах. О пьесе в стихах не думал. А очерки о дорогах мне писателям у меня уже были.

– **Лучший способ монетизации литспособностей?**

– Посмотрел значение слова “монетизация”: это термин, который служит для определения способа извлечения финансовой выгоды. С литературой эта область не пересекается. Поэтому не знаю, как ответить.

– **Как вы думаете, возможна ли интеграция писательских сообществ? Когда, на какой платформе?**

– Да всё возможно. Самое главное, для выполнения каких задач задумана эта интеграция.

– **По наблюдению главреда “Литературки” М. Замшева, вербальное вытесняется визуальным. Как часто с этим сталкиваетесь?**

– Я думаю, все замечают это навязывание и пропаганду, так сказать, картинки в ущерб слову.

– **С точки зрения писателя – что такое оптимизация усилий?**

– Я не знаю, что означает это словосочетание... Какая-то очередная нововведённая и кому-то выгодная брага. Вообще надо быть осторожней с такими терминами – у нас уже оптимизировали медицину и образование! Труд писателя – всегда труд писателя.

– **Что можете простить талантливым коллегам – пьянство, лень, невежество, эгоизм?**

– Когда читаешь великолепные стихи, для тебя главное – переживаемое чувство. И ты можешь не знать, что человек ленив. Пьянство – это недуг, поэтому стоит особо. Эгоизму многие подвержены. Лень и невежество – это уж совсем личное дело каждого.

– **В людях поселился страх заболеть коронавирусом. А какая зараза страшнее – вирусы наживы, равнодушия, бездарности?**

– Вы же понимаете, что это разные вещи. Жажда наживы – это страсть. Равнодушие – род бессилия. А бездарность – если речь о литературе – это не вирус, это беда.

– **Лучшее начало творческой встречи с читателями – это...**

– Если по времени нет ограничений, то я обычно строю встречу с показа фильма. А вообще, мне, кажется, лучше начинать с произведения: чтение стихов или рассказа. А то бывает, авторы подменяют чтение стихов рассуждениями об этих стихах и об обстоятельствах, в которых они были написаны. Думаю, правильнее – стихи, потом уже разговор. Если вы почувствуете, что присутствующим вы интересны.

– **Помечтаем. Приглашает вас президент и спрашивает, чем помочь. Что ответите?**

– Допустить писателей патриотического лагеря к участию в культурной политике.

– **Почему бы Путину не профинансировать известные журналы “Знамя”, “Новый мир”, “Дружбу народов”, “Юность”, подняв их тираж до полумиллиона каждому? В выигрыше были бы все!**

– Действительно, почему бы? Только я бы предложил профинансировать “Наш современник”, “Юность”, “Москву” и региональные журналы. А также массовое издание и распространение современной талантливой литературы, отстаивающей идеалы, присущие нашей русской цивилизации.